

СВЕТЛАНА АДОНЬЕВА

Прагматика фолклора

ПАЛЪМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 398
ББК 60
А31

Адоньева С.

А31 Прагматика фольклора / Светлана Адоньева. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2020. — 335 с. — (Серия «Пальмира — университет»).

ISBN 978-5-517-02795-5

Книга антрополога, фольклориста С. Б. Адоньевой представляет собой научное исследование фольклора как особой формы устной речи, посредством которой полагается и удерживается определенный порядок жизни. Материалом исследования послужили полевые записи заговоров и магических практик, причетно-поминальной традиции, а также частушек, выполненные в ходе фольклорных экспедиций 1980-х — начала 2000-х годов в Вологодскую область.

**УДК 398
ББК 60**

ISBN 978-5-517-02795-5

© Адоньева С. Б., 2020
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2020

ВВЕДЕНИЕ

Имеющиеся на сегодняшний день в распоряжении фольклористов описания фольклора в большинстве своем основываются на определении фольклора как особой формы творчества: «Советская наука под фольклором понимает обычно не все народное искусство, а только словесное, устное поэтическое художественное творчество, для которого употребляет термин „фольклор“ без определения „словесный“»¹. Наиболее близким к фольклору феноменом, использующим тот же материал (язык), является литература. Современная классификация фольклора базируется на принципах, заданных еще Аристотелем: фольклорные жанры группируются в виды, последние — в роды, по аналогии с литературными родами. Основой для такой классификации служит определение творчества в качестве родового понятия по отношению к фольклору². Вместе с тем вряд ли кто усомнится, что значительная часть фольклора является творчеством не в большей мере, чем любая другая человеческая деятельность. Направление фольклорного действия противоположно на-

¹ Русское народное поэтическое творчество // Учеб. пособие для филол. ф-тов пед. ин-тов. М., 1971. С. 5. Такое определение сохраняется и в более поздних учебных изданиях.

² Критический обзор литературоведческих подходов в отечественной фольклористике см. в: Путилов Б. М. Фольклор и народная культура. СПб., 1994. С. 4–14.

правлению действия творческого: творить — значит создавать новое, в то время как фольклор ориентирован на старое, на канон, на подержание традиции¹.

Представляется в большей степени соответствующим природе явления признать родовым понятием по отношению к вербальному фольклору не творчество, но речь, точнее — *речевую деятельность*. Фольклорное произведение может не быть творческим актом, но не быть актом речевым оно не может. В данном случае мы не утверждаем ничего нового. Общим для фольклористики является представление о том, что фольклорное произведение в реальном своем бытовании есть не только текст, но также высказывание, или речевой акт, который наряду с текстом предполагает наличие говорящего, слушателя и их взаимодействие по поводу данного речевого события.

Определение нашего предмета может звучать следующим образом: фольклор есть особая форма устной речи². Но как охарактеризовать эту особенность, в чем специфика фольклора по отношению к общему полю устной речи? К. В. Чистов предлагал рассматривать фольклор в качестве одной из форм устной речи, формы, которая в своих наиболее развитых жанрах не является спонтанной³.

Исследователи, занимающиеся анализом устной речи, определяют следующие ее характеристики: неподготовленность речевого акта; неофициальный характер общения; устность; спонтанный характер протекания диалога; персональный характер общения⁴.

Дополняя характеристики, предложенные Е. А. Земской, Б. М. Гаспаров выделяет также факторы, связанные с визуальным каналом передачи информации: кинетический (характеризующий перемещение говорящего относительно слушающего); спациональный (опре-

¹ Спеть песню, построить забор, соткать полотно — все это действия, направленные на создание новых вещей, но по известным технологиям. Творчество в традиционной культуре может быть определено как творчество в пределах известной технологии (или *мастерство*).

² См.: Чистов К. В. Устная речь и проблемы фольклора // История, культура, этнография и фольклор славянских народов / X междунар. съезд славистов. М., 1988. С. 326–340; Артеменко Е. Б. Структура фольклорного текста в ее отношении к языку и речи // Язык и этнический менталитет. Петрозаводск, 1995. С. 95–107.

³ Чистов К. В. Указ. соч.

⁴ Русская разговорная речь. М., 1973.

деляющий расстояние между различными точками тела говорящего и слушающего); тактильный, парафонический¹.

Нетрудно заметить, что все выделенные факторы, за исключением устности, не охватывают фольклорную речь в целом. Так, определение официального или неофициального статуса речевого события для фольклорной речи скорее составит проблему анализа, нежели его исходную точку; то же можно сказать и относительно характеристики подготовленности / неподготовленности². Установка на персональное или публичное общение будет характеризовать различные формы фольклора.

Факторы, отмеченные Гаспаровым, специфицируют устную речь по отношению к речи письменной и, несомненно, важны для определения типов устной речи, как фольклорной, так и нефольклорной. Но они не позволяют выделить интересующую нас область из общего поля устной речи, что заставляет определить особый показатель, который разграничивал бы устную спонтанную и фольклорную речь принципиально.

В качестве такого показателя мы примем признак, сформулированный П. Г. Богатыревым и Р. О. Якобсоном, а именно «установка на традицию»³, — ввиду того, что этот показатель характеризует специфику фольклорной речи функционально⁴. На формальном уровне этот признак проявляется в повышенной, по сравнению со спонтанной устной речью, стереотипности фольклорных высказываний, или их *урегулированности*, как определил это качество фольклорной речи К. В. Чистов⁵.

Стереотипность охватывает все уровни фольклорного текста — от просодики до синтаксиса. На уровне интонации она проявляется в ориентации на повторы ритма, на уровне лексики — на устойчивость тропов, на уровне синтаксиса — на воспроизведение ограни-

¹ Гаспаров Б. М. Устная речь как семиотический объект // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. 1978. Т. 442. С. 63–87.

² Чистов К. В. Указ. соч. С. 332–333.

³ Богатырев П. Г., Якобсон Р. О. Фольклор как особая форма творчества // Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 369–383.

⁴ Типологическим отношениям фольклора и устной речи уделялось достаточно много внимания. См., например: Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993; Чистов К. В. Указ. соч.; Bartmiński J. O języku folkloru. Wrocław, 1973.

⁵ Чистов К. В. Указ. соч. С. 339.

ченного количества конструкций и т. п.¹. По данному параметру фольклорное явление оказывается в одном классе с другими создаваемыми человеком культурными формами — орудиями, социальным поведением, постройками, воспроизведение которых с течением времени сохраняется в рамках неизменной технологии. Эти формы представляют собой набор технологий, наиболее устойчивых к энтропийным процессам, и, следовательно, наиболее затратных в энергетическом смысле. Сказанное предполагает, в свою очередь, тот факт, что для социума сохранение этих технологий является жизненно важной задачей.

Смена технологий — изменение общественной практики, какой бы ее части это ни касалось, — своим следствием всегда имеет социальную реорганизацию². Если это так, то верным должен быть и обратный тезис — сохранение технологий без изменения есть способ консервации социальных отношений. Воспроизведение, ориентированное на канон, контролируемое обществом с точки зрения допустимых новаций, есть проявление традиции. Традиция являет себя в самых разных сферах практики, и практика речевых актов, регулируемых традицией, — одна из них³. В этом отношении фольклор представляет собой особый социальный институт управления человеческим поведением.

Специфика фольклорной речи состоит в том, что она организована в соответствии с определенными принципами, задаваемыми традицией. Соблюдение этих принципов является жизненно важным условием воспроизведения социума во времени, поскольку традиция речевых практик, практик коммуникации, напрямую связана с закреплением определенных социальных отношений.

¹ С. Ю. Неклюдов связывает упорядоченность фольклорной речи, дополнительную по отношению к разговорной, со стремлением этого типа речи к расподоблению с речью профанной (см.: Неклюдов С. Ю. Живая речь и язык фольклора // Славянская этнолингвистика и проблемы изучения традиционной народной культуры. Материалы междунар. конф. к 80-летию со дня рождения акад. Н. И. Толстого. М., 2003).

² Мы приводим этот тезис без аргументации, ограничиваясь ссылкой на общественные науки, в которых на протяжении последних 150 лет — от К. Маркса до П. Сорокина, П. Бурдьё и М. Фуко — социальные отношения определяются в зависимости от типа практики.

³ О связи технологического переворота с формой социальной организации в связи с историей греческой культуры см. в: Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. СПб., 2001.

Стереотипность фольклорной речи, проявляющаяся в каждом конкретном речевом акте в виде его дополнительной по отношению к спонтанной речи упорядоченности (интонационно-ритмической, лексической, синтаксической, тематической), есть внешняя форма проявления этого социального механизма. Его внутренняя форма, императив, наделенный облигаторной силой, есть традиция.

Такое определение фольклора никак не отменяет категории жанра. Речевая деятельность представляет собой не непрерывный речевой поток, но совокупность отдельных речевых актов. Имея определенное речевое намерение, человек реализует его посредством того набора языковых инструментов, который обычно используется в аналогичных ситуациях. Совокупность принципов, позволяющих в заданной ситуации строить высказывания определенного типа (т. е. социальная технология речи), и может быть названа жанром. В данном случае мы лишь повторяем одно из определений, данных фольклорному жанру Б. Н. Путиловым¹.

В чем же тогда состоит различие между фольклорными жанрами и жанрами речевыми? Для лингвистических словарей они неразличимы: словарные статьи, описывающие диалектные слова, не учитывают различий спонтанных и фольклорных контекстов². С позиции говорящего такое различие, безусловно, есть: мы принципиально иначе относимся к *своим* и *чужим* словам (высказываниям). «Каждый говорящий прекрасно понимает, — писал Р. Якобсон, — что любая пословица, которую он употребляет, — это речь, цитируемая внутри речи, и часто использует голосовые средства для того, чтобы эти цитаты выделить. Они воспроизводятся дословно, но отличаются от других цитат тем, что не имеют автора, к которому бы относились. Таким образом, в каждом, кто использует пословицы, развивается интуитивное чувство устной традиции, имеющее особую

¹ Народные знания. Фольклор. Народное искусство (Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 4). М., 1991. С. 36.

² Например, лексема «дроля», описанная в словарях как диалектная, имеет функциональные ограничения. Это лексема частушечного речевого регистра, в спонтанной речи имеющая синонимы «ухажер», «любашка» и проч. (см.: Словарь русских народных говоров. Вып. 8. СПб., 1972. С. 198–199; Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 10. СПб., 1994. С. 6–7).

природу, и в своем дискурсе он обращается с этими готовыми формулами как со своей личной собственностью»¹.

Например, предлагая «народную мудрость» в качестве резюме той или иной жизненной ситуации, мы ссылаемся на авторитетное суждение, но при этом не берем на себя ответственность за истинность этого суждения².

Представляется, что различие между фольклорными и нефольклорными формами речи для носителей традиции лежит в значительной степени в области прагматики. В лингвистике прагматический аспект речи исследуется посредством выделения тех механизмов, которые связывают язык с контекстом его употребления. Контекст включает в себя говорящего, слушающего и внеязыковую обстановку общения. Наиболее значимыми для лингвистической прагматики областями служат речевые акты и индексные выражения. Главная мысль, лежащая в основе теории речевого акта, состоит в том, что, помимо собственно смысла, предложение может также совершать определенные действия: оно может утверждать нечто, спрашивать о чем-либо, приказывать, предупреждать, обещать и т. п.; все это суть акты, которые совершает говорящий, высказывая то или иное предложение. Индексное выражение — это такое выражение, смысл которого определяется контекстом; примерами индексных выражений могут служить личные местоимения, указательные местоимения, наречия времени и места, показатели глагольного времени и т. п.³.

Прагматический аспект языкового явления в качестве необходимого условия для исследования предполагает анализ ситуационно-

¹ *Якобсон Р.* Язык и бессознательное. М., 1996. С. 97–98. То, что Якобсон отметил в отношении пословицы, может быть, на наш взгляд, в определенной степени распространено на фольклор в целом.

² О прагматике речевых клише см.: *Николаева Т. М.* Загадка и пословица: Социальные функции и грамматика // Исследования в области балто-славянской культуры: Загадка как текст. Вып. 1. М., 1994. С. 154–155. Анонимность фольклорного высказывания как способ отказа от ответственности рассматривалась на примере частушки в традиционной культуре в сопоставлении с современным анекдотом (см.: *Рюхина С. Б., Васильева О. В.* Анекдот и частушка (словесный текст как способ поведения) // Учебный материал по теории литературы: Жанры словесного текста. Анекдот. Таллинн, 1989. С. 95–99).

³ *Левин С.* Прагматическое отклонение высказывания // Теория метафоры. М., 1990. С. 346.